

Сирийская кампания России СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ГАМБИТ ИЛИ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦУГЦВАНГ?

Аналитическая записка № 423
PONARS Eurasia
Март 2016

Сергей Минасян¹
Институт Кавказа (Ереван)

Российская военная кампания в Сирии явилась крупнейшим военно-политическим событием, с важными региональными и глобальными последствиями. Это первая открыто проводимая постсоветской Россией полномасштабная военная операция за рубежом. Российская операция в Сирии также эффективно использовала элемент внезапности, как и на Украине, застав врасплох своих контр-партнеров в США, Европе и на Ближнем Востоке.

Однако еще предстоит выяснить, не станет ли в реальности вовлечение России в Сирию не чем иным, как опрометчивой авантюрой. Дальнейшие военные и политические развития покажут, явится ли «Сирийский гамбит» региональным цугцвангом² для России, или же триумфом, создающим основы для достижения новой реальности в отношениях с Западом³. В любом случае, Россия рискует затянуться в долговременный конфликт, включающий возможность того, что российские войска будут вынуждены принять участие в наземных операциях.

Демонстрация российской военной мощи

Сирийская кампания продемонстрировала увеличившиеся возможности России по проецированию военной мощи вдали от своих границ. После дислокации советских войск в Египте (1970-1972 гг.) и Сирии (1983-1984 гг.) существенная российская военная мощь никогда еще столь отдаленно не проявлялась. Российская авиация осуществляет рекордное количество боевых вылетов, на пределе эксплуатационных возможностей своих самолетов. Россия также использует Сирию как испытательный полигон для проверки своих обычных вооружений, разработанных в постсоветский период.

¹ [Сергей Минасян](#) является заместителем директора и руководителем департамента политических исследований Института Кавказа (Армения).

² Шахматный термин, означающий ситуацию, когда игрок вынужден делать шаг, еще более ухудшающий его позицию.

³ Данная аналитическая записка развивает аргументы, ранее выдвинутые автором в статье: [«Сирийский гамбит Москвы: риски и перспективы первой «заморской» операции России»](#), *Россия в глобальной политике*, №6, Ноябрь-Декабрь, 2015.

Большая часть этого вооружения или полностью новое или существенно усовершенствованное. Истребители Су-30СМ и Су-35С впервые принимают участие в боях, как и бомбардировщики Су-34, оснащенные новыми «умными» вооружениями, включая бомбы со спутниковым наведением и управляемые ракеты. Даже новейший российский самолет радиотехнической и оптико-технической разведки Ту-214Р был дислоцирован в конце февраля на авиабазе Хмеймим в Латакии.

В тоже время, российские военно-воздушные операции выявили серьезные проблемы с целеуказанием и использованием высокоточного вооружения. Устаревшие самолеты Су-24М и Су-25СМ, и даже новейшие бомбардировщики Су-34 зачастую вылетали на боевые вылеты, оснащенные не управляемым вооружением, а свободнопадающими бомбами.

Российская авиация также осуществляет операции с баз за пределами Сирии. В ноябре сверхзвуковые бомбардировщики Ту-23МЗ в первый раз вылетели с Северного Кавказа для поражения целей в Ракке и Дейр эз-Зоре. Дальние стратегические бомбардировщики Ту-95МС и ракетоносцы Ту-160 также запустили крылатые ракеты по целям в Сирии из иранского воздушного пространства.

После того, как российский бомбардировщик Су-24 был сбит турками, Москва усилила свою авиационную группу более усовершенствованными системами ПВО. Это включило в себя дислокацию дальнобойной системы ПВО С-400, впервые принимающей участие в боевых операциях, а также новейшего комплекса радиоэлектронной борьбы дальнего радиуса действия «Красуха-4». С дислокацией этих систем Россия оказалась в состоянии эффективно создать свою собственную бесполетную зону над западной частью Сирии.

Российский военно-морской флот также вовлечен в операцию. В октябре 2015 г. были запущены корабельные крылатые ракеты с судов Каспийской флотилии, пролетевшие над территориями Ирана и Ирака. В декабре российская неядерная субмарина в первый раз произвела запуск крылатых ракет из Восточного Средиземноморья. В обоих случаях военное значение этих ударов совмещалось с политическим: продемонстрировать Западу и некоторым державам Ближнего Востока совпадение стратегических целей России, Ирана и Ирака, а также имеющийся у России потенциал дальнобойного поражения.

Такие «послания», отправленные с использованием обычных вооружений, были убедительно подкреплены намеками на ядерное принуждение, адресованное региональным соперникам России. После пусков крылатых ракет и залпов с подводной лодки, Путин [заявил](#), «Мы сейчас видели эти новые, современные, и очень эффективные высокоточные вооружения, которые могут быть оснащены как обычными, так и специальными, ядерными боеголовками», в тоже время добавив, «конечно, это не является необходимым в борьбе против терроризма, и я надеюсь, никогда не понадобится». Несмотря на намеки на Исламское Государство, ядерные намеки Путина скорее были адресованы Турции и ее региональным союзникам, во многом в том же виде, в каком Россия эффективно ссылалась на ядерную угрозу в ходе крымского кризиса.

Турецкий фактор: усложняющаяся сложность

Ключевым фактором, приведшим к решению России о военном вовлечении в Сирию, была потеря Асадом территорий Идлиба, Пальмиры и некоторых других стратегических пунктов. Москве было необходимо реагировать, пока возглавляемая США коалиция и ее региональные союзники, в первую очередь Турция, не создадут над Сирией бесполетную

зону. По мнению Москвы, это привело бы к авиационным ударам коалиции и, по всей видимости, к падению режима Ассада. Однако косвенным результатом открытого российского военного вовлечения стало то, что оно полностью разрушило всю сирийскую стратегию турецкого президента Реджепа Эрдогана за последние четыре года, вынудив Турцию к более активным шагам со своей стороны.

Данные шаги усложнили проведение Россией военных действий. Во-первых, Анкара попробовала продемонстрировать решимость не сидеть спокойно в ходе военного вовлечения России в «ближнее зарубежье» Турции. Россия попробовала достичь некоторой координации с Турцией до начала своих военных действий, однако безуспешно. В результате, Турция была вынуждена тихо следить, как российские корабли проплывают через Босфорский пролив, везя оружия Дамаску. Как только начались российские воздушные операции, Турция была вынуждена оставить идею какой-либо бесполетной зоны над северной Сирией. Тем не менее, Турция вскоре отреагировала военным способом, сбив российский бомбардировщик Су-24 в ноябре, а в начале декабря турецкие войска вторглись в район Мосула на севере Ирака (российского ситуационного союзника) под предлогом обычных тренировочных [учений](#).

Давление на Турцию по большому вовлечению в Сирию только увеличилось. Первоначальным мотивом Турции по уничтожению российского самолета, вероятно, было заставить Россию остановить удары по сирийским туркменам в северной Латакии, а также по суннитским повстанцам вокруг Алеппо. Однако действия Турции возымели обратный эффект: Россия кардинально увеличила частоту своих авиационных ударов, а сирийская армия начала новые наступления в данных регионах. В дальнейшем это снизило невоенные возможности Эрдогана влиять на ситуацию вокруг Сирии.

Возможность большего турецкого вовлечения в Сирию опять возросло в феврале 2016 г., когда армия Ассада провела наиболее успешную военную операцию после начала воздушной кампании России. Перерезав сухопутный коридор, соединяющий находящуюся под контролем повстанцев часть Алеппо с турецкой границей, сирийская армия смогла соединиться с анклавом сирийских курдов и создать трудную ситуацию для протурецких повстанцев. Вдобавок, Турции пришлось считаться с возросшими военными возможностями курдов, установивших контроль над новыми территориями вдоль сирийско-турецкой границы. Февральский террористический акт против турецких военнослужащих в Анкаре, приписываемый радикальной организации турецких курдов, еще более ужесточил давление для действий Анкары.

Многие наблюдатели пытались найти параллели между сирийской интервенцией России и советским вторжением в Афганистан. Однако, принимая во внимание турецкий фактор, и с учетом гипотетической эскалации, более подходящей аналогией может быть русско-японская война (1904-1905). Это связано с ограниченным потенциалом и проблемами по снабжению «сирийского экспедиционного корпуса» России, возможностью затруднения доступа через Босфорский пролив, и количественного превосходства Турции (и ее потенциальных региональных союзников) в обычных вооруженных силах. В случае прямого военного столкновения между Турцией и Россией, базы последней в Латакии и Тартусе вполне могут стать новым «Порт Артуром».

Однако аналогия не должна идти столь далеко. Очевидно, что военное присутствие России является важнейшим сдерживающим фактором против большего военного вовлечения

Турции в Сирию. Издержки от прямого столкновения высоки, и НАТО максимум сможет предоставить лишь политическую поддержку, т.к. согласно 5-й статье Устава НАТО обязательства по коллективной обороне не могут быть применимы к действиям на территории Сирии. Увеличившаяся угроза турецкой интервенции лишь усилила обязательства России по военному вовлечению, т.к. Москва знает, что режим Асада падет, если будет оставлен наедине с внешними силами.

Даже при отсутствии прямого военного противостояния между Россией и Турцией, военная логика внутри Сирии будет диктовать продолжение российского вовлечения. Однако уровень будущего вовлечения России во многом зависит от результатов российско-сирийской объединенной воздушно-наземной операции (в том числе против Исламского Государства и «неумеренных» повстанцев), а также перспектив достижения устойчивого режима перемирия под эгидой международной контактной группы по Сирии.

Перспективы войны и мира в Сирии

В конечном счете, судьба гражданской войны в Сирии будет решена на земле, а не в ходе воздушных (или дистанционных) операций. Аксиома, что военно-воздушная мощь не может одна выиграть гражданскую войну или асимметричный конфликт. Так было в случае Афганистана, Ливии и Ирака.

Даже при содействии России до февраля наступление Асада не шло так, как ожидалось. Сирийская армия продвигалась слишком медленно, неся потери в вооружении и личном составе. Наиболее серьезные потери были от использования повстанцами современных противотанковых ракет, дав повод некоторым предположениям о том, что они могут иметь такое же влияние, как использование зенитных ракет «Стингер» афганскими моджахедами против советских самолетов и вертолетов. Хотя проводимые российскими и иранскими инструкторами тренировки и масштабные поставки вооружений увеличили военную эффективность режима (проявившуюся недавними успехами в районе Алеппо и в северной Латакии), военный успех для Асада по всей видимости проявится лишь в упрочнении контроля вдоль линии Дамаск-Хомс-Хама-Алеппо.

Если наступление Асада не достигнет успеха или замедлится, Россия будет вынуждена или свернуть свою операцию в Сирии или увеличить свое вовлечение. В последнем случае усиление российских Военно-Космических Сил будет недостаточно. Россия может быть вынуждена активизировать использование своих ракетно-артиллерийских систем, а также поставки большего количества вооружений сирийской армии, включая реактивные системы залпового огня «Смерч», тактические ракетные системы «Точка-У», танки Т-90 и другое вооружение. Может возрасти количество российских военных советников, и российские элитные части и войска специальных операций могут быть вовлечены в боевые действия. Уже появляются сообщения с полей сражений относительно вовлечения российских военных советников и военнослужащих, содействующих войскам лоялистов.

Есть надежда, что под эгидой Соединенных Штатов и России в начале марта было достигнуто хрупкое перемирие между режимом Асада и войсками умеренной оппозиции. В настоящее время еще не ясно, является ли данное перемирие реальной прелюдией для долговременного мирного процесса и начала гражданского примирения в Сирии, или же это символическая краткосрочная передышка. Слишком много противоречий имеется между

внутренними и внешними акторами, чтобы предполагать легкий компромисс относительно будущего Сирии.

Если нынешние международные усилия по достижению перемирия провалятся и боевые действия возобновятся, эскалация сирийской гражданской войны может резко усилиться. Внешние акторы, такие как Турция и некоторые монархии Персидского Залива, могут усилить свое военное вовлечение, что заставит Россию активизировать свое сухопутное присутствие. Результатом может стать то, что стремительный стратегический гамбит России в Сирии превратится в долговременный региональный цугцванг на Ближнем Востоке.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
EURASIA ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org